

УДК 07:654.197:316.653

## МЕДИЙНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ И АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ «В КОНТЕКСТЕ»

© 2012, М.В. Выжлаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 августа 2012 года

**Аннотация:** В статье рассматривается проблема феномена манипуляции в медиа и делается попытка выявить манипулятивную составляющую в коммуникативной стратегии общественно-политического ток-шоу «В контексте» (Первый канал).

**Ключевые слова:** коммуникативная стратегия, манипуляция, российское телевидение, общественно-политические ток-шоу, Первый канал.

**Abstract:** In this article, the problem of media manipulation phenomena is examined. Also, there is an attempt to reveal manipulative elements of the communicative strategy of the political talk show 'In the context' (Channel One).

**Key words:** communicative strategy, manipulation, television in Russia, political talk shows, Channel One.

Термин манипуляции имеет широкое хождение как в публицистике, так и в науке. При этом точного определения не существует. В качестве одного из «полюсов» можно привести следующее: «это внедрение в сознание и подсознание индивида (объекта манипуляции) обманными методами ценностей и установок, истинное содержание которых не понимается индивидом, но воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и не совпадает при этом с теми ценностями и установками, что есть у него в данный момент» [8, 158]. Примечателен на этом фоне постмодернистский взгляд на манипуляцию: «СМИ несут смысл и контрсмысл, они манипулируют во всех направлениях сразу, этот процесс никто не может контролировать, они — средства внутренней по отношению к системе симуляции, и симуляции, которая разрушает систему» [2].

Однако и в определении, и в изучении феномена по-прежнему остается много неясностей. Немаловажной проблемой является трудноотделимая оценочность. В случае такого популяризатора темы манипуляции, как С. Кара-Мурза [5], по нашему мнению, моральное осуждение и поиск конкретных примеров «обмана» затмевает анализ самого феномена. Поэтому нам представляется небезосновательным следующий комментарий: «слово «манипулирование» превращается в некий штамп, содержащий / предполагающий совокупность признаков ... который присваивается какой-либо единице, коммуникативной ситуации ... без обоснования наличия этих признаков; предметом рассмотрения и анализа

становятся языковые и другие коммуникативные особенности, которые квалифицируются как манипулятивные» [7].

К этому стоит добавить, что взгляд на возможность самого существования манипуляции очень разнится и в зависимости от научных парадигм. В частности, данный феномен изучался и получал обоснование, прежде всего, в рамках «модели доминирования», базирующейся на марксистских традициях; в рамках же «плюралистической модели» манипуляция в принципе невозможна или не имеет значения [по 4].

При этом и в приведенном первом определении можно видеть, что оно включает, как минимум, две проблемы, требующие отдельного исследования: во-первых, проблему наличия «злонамеренного» воздействия, во-вторых, проблему восприятия этого воздействия объектом манипуляции.

Что касается второго пункта, то можно вспомнить, как минимум, теорию кодирования/декодирования С. Холла [1], демонстрирующую неоднозначность восприятия аудиторией медийного текста. Из нее также можно сделать вывод о большом разнообразии стратегий декодирования различными социальными группами, что рождает вопрос об эффективности манипуляции.

Мы же обратимся к первой проблеме. Можно ли вообще выявить именно такое воздействие, которое предполагает «злую волю» говорящего? Дедуктивный анализ феномена, когда, исходя из теоретического знания о манипуляции, ищутся примеры ее применения, представляется нам не слишком продуктивным. Мы попробуем применить другой подход, сделав упор на дискурс-

анализ, позволяющий выявить «каким образом дискурс помогает конструировать социальный мир коммуникантов» [6, 117].

Мы проанализировали один из выпусков общественно-политического ток-шоу «В контексте» — «Ближний Восток: настоящая война» (от 27 июля 2012 г.). Подобный формат передачи, по нашему мнению, интересен и показателен тем, что в его рамках «сталкиваются» дискурсы отдельных участников. Образуется ли это столкновение общий дискурс? Мы обратили внимание не столько на содержательную сторону дискуссии, сколько на формальную, и попытались выявить какие-либо закономерности. Далее мы приведем выдержки из нашего анализа.

Уже во вступительном слове ведущий М. Шевченко задает основные контексты обсуждения:

— противостояние между рядом стран Ближнего Востока (*«Война» — вот главное слово, которым сегодня можно охарактеризовать ситуацию на Ближнем Востоке*). Затем эта тема реализуется в обсуждении деталей конфликтов между отдельными странами и группировками, поэтому «война» является скорее метафорой;

— закулисные силы, стоящие за событиями на Ближнем Востоке (*«Складывается ощущение, что за всеми этими событиями стоят не только интересы государств региона, но и интересы мировых политических сил»*);

— возможность масштабной войны, вплоть до третьей мировой (*«...эти интересы могут привести нас к третьей мировой войне»*);

— в конце второй части он вводит тему 4: *«как России во всей этой катавасии себя вести»*. В этой конструкции заявлены общность (данный «синонимический» ряд реализуется в ходе всей передачи: Россия = конкретные деятели российской государственной системы = российское государство = российский народ = население России = мы) и императив (= как Россия должна поступать).

Вокруг этих тем далее и строится вся дискуссия, за редкими исключениями.

Целесообразно привести здесь общую характеристику дискурсов участников дискуссии:

— С. Кургинян. Его выступления характеризуются заметной масштабно-философской направленностью. Доля глобальных категорий и абстракций в его речи достаточно велика. Ему принадлежит оппозиция «модерн / «контрмодерн» (здесь и далее — первый элемент оппозиции имеет положительную оценочность, второй — негативную). Также стоит отметить идеологему «мировой стабильности», за которую ответственна Россия, и оппозицию «национальные государства / США», в которой Америка становится виновником во-

йны на Ближнем Востоке и несет «контрмодерн». Гипотетическая «война» мыслится С. Кургиняном как весьма вероятная.

— Ф. Лукьянов. Единственный из всех участников, в дискурсе которого звучат нотки дескриптивности, что можно увидеть в мотиве естественности (политических процессов; того, что происходит на Ближнем Востоке; другими словами, «виновник/зачинщик/подстрекатель» здесь отсутствует). Кроме того, достаточно низко оценивает вероятность войны.

Можно выделить две оппозиции: «большинство / меньшинство» при рассмотрении как Сирии в частности, так и Ближнего Востока в целом; «Россия / мир», в данном случае «Россия» доказывает «миру», что к ней необходимо прислушиваться.

Но и Ф. Лукьянов принимает императивную направленность темы 4.

— А. Шмелевич. Есть основания считать данного участника символическим представителем Израиля и евреев. Дискурс А. Шмелевича израильтячичен, для него и война на Ближнем Востоке — это, прежде всего, война против Израиля, и действия России на Ближнем Востоке рассматриваются преимущественно в ракурсе взаимодействия России и Израиля. В то же время встречается в его выступлении и значительное надысторическое обобщение, когда он говорит о неких циклах обновления ситуации в мире.

Примечательно, что это единственный участник программы, попытавшийся противостоять общему дискурсу. Он ввел контекст бессилия России, которая *«вообще не способна играть никакой роли на Ближнем Востоке»*, *«не способна даже решить свои собственные проблемы»*, имеет *«очень плохую репутацию»* (при этом связывая «Россию» с местоимением «вы»). Это поставило под сомнение правомерность императива, главенствующего в третьей части передачи — о том, что Россия должна сделать нечто для урегулирования ситуации на Ближнем Востоке. Стоит отметить, что М. Шевченко довольно быстро перехватил коммуникативную инициативу и «погасил» данную тему.

— А. Делетроз. Данный участник, в свою очередь, подходит на роль символического представителя «Запада». Его апелляции к праву, конвенциональности, переговорам, внимание к символическим проявлениям демократии (в частности, к демонстрантам), критичность по отношению к действиям России укладываются в стереотипный образ «западной» идеологии. Кроме того, одним из основных моментов его выступлений можно назвать мотив новизны — новизна ситуации на Ближнем Востоке, появление там *«новых народов»*. Также он склонен сводить

дискуссию к теме 1 и далее к конкретным реалиям конкретных стран.

— Г. Джемаль. Это символический представитель ислама, что не в последнюю очередь маркируется его теологической риторикой. Впрочем, роль эта двойка, т.к. он одновременно солидаризуется с Россией, в т.ч. через местоимение «мы».

Г. Джемаль — один из основных «двигателей» темы 2. Ключевыми являются две оппозиции: «национальные суверенитеты / мировое правительство» и «антисалафиты / салафиты».

— М. Шевченко. Роль ведущего предполагает, с одной стороны, коммуникативное лидерство (например, у него больше всего реплик), с другой — сказывается в том плане, что ведущий так или иначе вынужден перенимать контексты собеседников. Мы выделили как минимум две конструкции, которые М. Шевченко «взял» у собеседников и пытался распространить уже на других собеседников — это «модерн / контрмодерн» (С. Кургияна) и «большинство / меньшинство» (Ф. Лукьянова). На этом фоне, однако, отчетливо заметен тот факт, что на протяжении всей передачи М. Шевченко настойчиво «уводил» собеседников именно в те темы, которые задавал сам (вначале передачи и в конце второй части).

Мы бы хотели подчеркнуть ту решающую роль, которую ведущий играет в модерировании дискуссии. Подавляющее большинство реплик участники дискуссии высказывали именно с «подачи» М. Шевченко, равно как и немалая доля выступлений была свернута именно по его инициативе.

Как уже было сказано, вся дискуссия стремится к ограниченному набору тем. И стремление это обеспечивается не только ведущим, но нередко и самими участниками дискуссии. Те случаи, когда говорящие пытаются самостоятельно ввести новую тему, в основном отличаются уменьшением масштаба (например, сведение разговора до внутрииранских или внутрисирийских реалий). Если судить с точки зрения ведущего, то его попытки «заглушить» подобные темы можно трактовать и как сугубо прагматический акт: подробный разбор деталей не вписывается в формат передачи, ограниченной по времени. Впрочем, П. Бурдые, анализирувавший ход теледебатов, видел в этом и возможность для манипулирования [по 3]. Можно предположить, что ведущему выгоднее держаться за обтекаемые, масштабные, идеологизированные темы (что, в частности, проявляется в уже упомянутом заимствовании ведущим оппозиции «модерн / контрмодерн»).

То, что основные темы, за которые и «цепляется ведущий», идеологичны, мы продемонстрируем, выделив ключевые элементы дискурсов, которые разделяются всеми участниками дискуссии:

Тема 1 предполагает наличие таких категорий, как «Ближний Восток» (подразумевается общая судьба для определенной общности людей), «конфликт на Ближнем Востоке» (подразумевается общая природа различных столкновений в данном регионе), «обострение конфликта» (подразумевается, что недавние события имеют большую важность для «Ближнего Востока»). В результате участники пытаются искать общие причины и следствия для всей совокупности событий. Периодически они как будто отходят от этой пресуппозиции, но лишь формально: когда Г. Джемаль обвиняет оппонентов в упрощении ситуации, то взамен лишь подменяют одну природу конфликта другой (противостоянием салафитов и антисалафитов). Также и сведение темы к «локальным» реалиям Сирии либо все равно возвращается к большим масштабам (А. Делетроз: «... в Сирии есть возможность создать огромную гражданскую войну»), либо встречает сопротивление со стороны ведущего.

Тема 2 выражается в стремлении к объяснению происходящего через «скрытые силы». Да, у разных участников оно может выглядеть по-разному: «тайные» ли акторы, «тайные» ли «естественные» законы — обязательно наличие некоей ширмы, за которую могут заглядывать только знатоки (что, впрочем, опять же определяется дискурсом передачи; экспертам нужна легитимация, и она обеспечивается в т.ч. и таким путем). В языке последнее выражается также в оппозиции «демагогия» / «на деле» (и синонимы), т.е. поддерживается и мотив тайны. Кроме того, влияние темы 1 сказывается в том, что эти «силы» должны влиять на весь «Ближний Восток».

В рамках тема 3 «война» заявляется с самого начала как нечто возможное: рассматривается лишь большая или меньшая ее вероятность. В прогностической сфере также присутствует оппозиция «переговоры / война». Не будет переговоров — будет война. Примечательна единичность самой «войны». Действительно, хотя, рассматривая текущую ситуацию, участники дискуссии и говорят о множественности конфликтов (между Израилем и Ираном, между меньшинством и большинством Сирии и т.д.), но когда прогнозируется война — то это именно «война», в единственном числе. Реализуется и мотив глобальности, всеохватности.

В рамках тема 4 реализуется императив, согласно которому некая общность «Россия» «должна» нечто делать.

Указанная выше глобальность, а также использование местоимений «мы», «вы» по отношению, прежде всего, к населению России, создает суггестивный посыл, что обсуждаемые события коснутся каждого, т.е. и дискутирующих,

и аудитории. Вкупе с императивностью (пункт 4) можно вывести общий императив: «Каждый должен сделать нечто по отношению к событиям на Ближнем Востоке».

Презумпция демократических (в широком контексте) ценностей. Проявляется в склонности наделять положительными чертами большинство, в призыве к равноправию граждан, консенсусу и т.п. Встроенным в набор этих ценностей можно считать слово «цивилизованный».

Презумпция наличия «великих держав», которые не просто имеют право, а должны вмешиваться во внутренние дела третьих стран. При этом «Россия – великая держава» и «Россия – мы/вы» обычно смешиваются.

Связанное с предыдущим пунктом неартикулируемое различие манипуляций с национальными суверенитетами, которые могут и должны совершать «великие державы», и неприемлемых манипуляций, совершаемых «скрытыми силами» (в случае, если речь идет об акторах, а такой подход все-таки доминирует).

Ярко выраженный эмоциональный мотив угрозы, также укрепляющий уверенность, что обсуждаемые события коснутся каждого.

Исключительная историческая важность происходящего на Ближнем Востоке, в каких бы терминах оно ни описывалось: «великое пробуждение», «арабская весна», «борьба модерна и контрмодерна», «большая война», «важнейший регион мира» и проч.

Мы показали не то, что все участники дискуссии говорят одно и то же, а скорее то, что они говорят об одном и том же (что соотносится с замечанием упоминавшегося выше С. Холла: «...влияние кодирования будет сказываться в создании некоторых ограничений и параметров, в рамках которых осуществляется декодирование») [1, 114; перевод наш]. Перед нами неафишируемая трансляция идеологии: системы оппозиций, императивов, эмоциональных состояний – и в рамках данного анализа не имеет особого значения, понимается ли самими участниками латентная идеологичность или нет. Главное, что никто не рефлексировал по этому поводу. Возможно, тут сказываются те самые негласные правила языковой игры, о которых

говорил П. Бурдьё («каждый из социальных универсумов, порождающих речь, обладает своей структурой, определяющей, что может быть сказано, а что нет») [3, 51].

Попыткой обеспечить формальную внеидеологичность мы можем считать подбор участников – это символическая реализация «плюрализма», где как будто присутствуют «выразители» «точек зрения» всех «сторон». Другое дело, что попытка эта формальна, как показывает наш анализ. В то же время отдельного внимания (и подозрения в намеренной манипуляции) заслуживают и активные действия ведущего по поддержанию или глушению тех или иных тем и мотивов.

На наш взгляд, данная форма анализа обеспечивает большую объективность исследования, нежели дедуктивное «развенчивание» примеров манипуляции. Однако анализ показывает, что требуется дальнейшее углубление как в проблему «злонамеренности» манипуляции, так и вообще в проблему существования данного феномена.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Culture, Media, Language (Edited by S. Hall, D. Hobson, A. Lowe, P. Willis). – Centre of Contemporary Cultural Studies, University of Birmingham, 1980. – 289 p.
2. Бодрийяр Ж. Симуляция и симулякры / Ж. Бодрийяр. – (<http://exsistencia.livejournal.com/>).
3. Бурдьё П. О телевидении и журналистике / П. Бурдьё. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
4. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть / Е.Г. Дьякова. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 299 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – ([www.kara-murza.ru](http://www.kara-murza.ru)).
6. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.
7. Парасуцкая М.И. Манипуляция и «манипулятивный дискурс» в лингвистике: принципы исследования / М.И. Парасуцкая. – ([http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija\\_2010/doklad\\_s\\_obsuzhdeniem\\_na\\_sajte/parasuckaja/2-1-0-45](http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/parasuckaja/2-1-0-45)).
8. Сапунов В.И. Мировые информационные агентства: Системное воздействие на аудиторию: монография / В.И. Сапунов. – Воронеж, Издательство Воронежского государственного университета, 2007 г. – 240 с.

Выжлаков М.В.

Аспирант факультета журналистики  
Воронежского государственного университета  
e-mail: true.tryggvi@gmail.com

Vyzhlakov M.V.

The postgraduate student of Department of Journalism,  
Voronezh State University  
e-mail: true.tryggvi@gmail.com